

УДК 32

DOI: 10.17223/1998863X/56/24

**О.М. Михайленок, А.В. Назаренко**

## **СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА: ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ**

*В статье предпринята попытка детерминировать потенциально возможные топологические исходы сетевой «сингулярности», разграничив понятие сети и понятие сетевой структуры. Показаны негативное влияние лапласовского исторического детерминизма социальной системы как базовой единицы анализа, а также ограниченность и бесперспективность акцента на ее иерархическое организационное устройство. Сделан акцент на вневременное становление человека, начинающего играть ключевую роль в осмыслении подлинной бытийной сути и потенциала социальной сетевой аксиоматики.*

*Ключевые слова: социальная система, сингулярность, сетевая структура, сеть, ризома.*

На наших глазах происходит стихийная бифуркация в осмыслении сущности социальной системы. По мере того как человек все больше осознавал себя человеком, его восприятие мира, построенного им же самим на «сплетенной», общей для всех мифологии» – на библейской истории творения, на сказаниях о «предначальных временах», на греческих мифах, на религиозных догмах, на социальных и националистических мифах современных государств, все быстрее менялось [1. С. 34]. Возврат в центр мироздания человека открывал перед ним, наконец, возможность выстраивать собственную реальность – инобытийную и конкурирующую с предзаданными условиями, порождаемыми спецификой функционирования «социальной машины». Однако на этом пути человека поджидало старое препятствие – объективизм, синтезирующий реальность по лекалам ее следствий. Вернув человеку способность конструировать собственный мир, постмодернизм не освободил его созидательности от обновляющей ее результаты истории. Человеческое тождество вновь вынуждено было встраиваться в возникшую конфигурацию различия, поскольку не существовало «закона отношения самосознания к действительности, к миру, противопоставляющемуся ему» [2. С. 250]. В силу их «равнодушия друг к другу» психологическое наблюдение оказалось «отброшенным назад, к специфической определенности реальной индивидуальности» – «в себе самой» и для «себя самой». Это привело к невозможности называть «великого воина», «великого труса» и «пацифиста-вымогателя», чье дело будет кончено в первый же день настоящей войны одним «мировым духом на коне» [3. С. 293]. Людям быстро «удалось извратить очень многое: национальность, социализм... миф, жизненную философию, иррациональность, веру, молодость, революцию и что угодно», и в заключение возник соблазн извратить еще и себя как «великого человека». В результате «мировой дух на коне» на «соответствующей ступени его проявления» быстро «приходил в негодность» [Там же. С. 294]. Это означало то, что для адекватной оценки и преобразования социальности человеку необходимо будет «переутвердить» себя «посредством вытеснения интенсивного зародышевого тока, великой

биологической памяти, которая затопила бы любую попытку коллективного устроения» [4. С. 300].

Можно констатировать то, что четырехсотлетний период социальных мифов и революционных потрясений завершается закономерной имплозией – обвалом социального и культурного «внутри», к человеку с его внутренним – духовным миром. Лишившись, по мере крушения социальных мифов, индивидуальности, и не обретая при этом субъективного личного в силу иррационального поведения «дионисийской смысло-порождающей машины», человек достиг состояния сингулярности. Больше его невозможно однозначно детерминировать ни индивидуальным «означаемым», ни личным «означающим». Теперь это постоянное «перескакивание» из одного состояния в другое, и «где нонсенс и смысл уже не просто противостоят друг другу, а, скорее, соприсутствуют вместе внутри нового дискурса» «чистого, неоформленного» [5. С. 145–146]. Поскольку в этом состоянии невозможно однозначно выявить человеческую индивидуальность и универсальность, частность и общность, то и любые частные и коллективные события, происходящие в результате взаимодействия сингулярностей, становятся неопределенными. В этих событиях уже «все сингулярно, а значит, одновременно коллективно и частно, особенно и всеобще, не-индивидуально, но и не-универсально» [Там же. С. 200]. То есть сложились условия для интуитивной смены социальной аксиоматики в пользу сети сингулярных «желающих машин» как диссипативной системы, сложность которой локализуется «на уровне интеракций между индивидами» [6. Р. 894]. Сеть превращается в пространственную и вневременную «сингулярную социальность» без явно выраженной вертикальной, горизонтальной временной направленности, возникающую в результате человеческого «глубинного умопомешательства», выбравшегося на поверхность, изменения и захват которой влекут за собой «радикальные расхождения во всех отношениях» [5. С. 216].

В рамках настоящей статьи попытаемся детерминировать потенциально возможные топологические исходы сетевой «сингулярности» – ее вертикальную, «башенную», или горизонтальную, «площадную», временную направленность в их взаимосвязи. Попробуем также детерминировать и время, наделяющее то, что «изменяется, формой неизменной, но претерпевающей изменение» [7. С. 310]. Начнем с того, что попробуем разграничить понятие сети и понятие сетевой структуры. Заметим, что это сделать непросто. Большинство исследователей достаточно вольно обращаются с понятием сети, не делая особой разницы между ней и понятием «структура». Для одних она, например, «коммуникативная структура» [8. С. 65]. Для других – «структура, которую люди образуют самым естественным путем», которая может принимать самые разнообразные формы и масштабы – от замкнутых тайных обществ до общедоступных движений» [9. С. 47]. Но и те и другие все же сходятся в том, что сеть «может быть определена как совокупность связей между элементами единицы», где элементы – это узлы, а единица – система [10. Р. 24].

Заметим, что практически все исследователи, так или иначе связанные с сетевой проблематикой, предпочитали сразу уходить на более высокий уровень – на уровень сети как новой, но в то же время и старой формы социальной системы, априори предполагая, что ее узлами являются люди – «соци-

альные животные», склонные к объединению в группы. Но и это еще не все – их в основном интересовала организация единицы и соотношение узлов, т.е. простая топология. К сожалению, подобный традиционный подход – от общего к частному с акцентом на топологию сетей – хорош лишь для ретроспективных исторических исследований – ограничение свободы человека и его вхождение в иерархические структуры шли рука об руку. Присущая этому политическая, юридическая и этическая рациональность, по сути, переформатировала весь понятийный аппарат, артикулирующий отношения между человеческим действием и нормой, жизнью и правилом. И даже «среднестатистический» человек в пределах сети как социальной группы «с малым охватом» вряд ли мог бы избежать «охвата» властью, культурой, религией, моралью. Вывод о том, что сети существовали всегда, с доисторических времен, когда *homo sapiens* породил «нечто более изощренное» – то, что «мы называем культурой», действительно разделяют большинство исследователей [1. С. 9].

Важно понимать, что практически все сетевые «формы» так или иначе сводились к иерархическим структурам, детерминированным определенным «организующим» началом. Религиозный человек, поддерживаемый верой, признавал Бога как «другого», политический человек, поддерживаемый той или иной идеологией, признавал власть как «другого», психологический человек уже априори считал себя разумным, сознательным и рациональным, создавая определенную «сетевую-структурную» социальную «итерацию», которая оказывалась в конце концов «жесткой властной вертикалью». В результате централизованные, иерархические модели отношений много лет верно служили человечеству, помогая создавать властям всех уровней достаточно устойчивые социальные формации с уже заданными параметрами. Означаемые ими, а затем транслируемые по заранее выбранным и фиксированным каналам передачи информации политические – властные дискурсы достаточно надежно интегрировались в массив категорий, фиксирующих систему социального действия – стратегического, нормативно драматургического и коммуникативного. Именно последнее и позволяло формировать достаточно стабильную систему легитимных отношений, а с нею и устойчивых личностных структур [11. Р. 353–428].

Очевидно, что структурное господство иерархий в прошлом становится серьезным тормозом для полета человеческой фантазии сегодня – «у нас нет больше глаз в небесах, в животных или в растительных становлениях, а есть лишь центральный исчисляющий глаз, обшаривающий все пределы» [12. С. 116]. Тенденции к централизации и маргинализации действительно очень плохо экстраполируются в будущее. Фактически остается один путь – создание очередной древовидной «кальки» с ее главным принципом – воспроизводством [Там же. С. 21]. «Желательность» иметь дело «с более крупной единицей анализа, чем отдельно взятый индивид» превращается, таким образом, в «необходимость» рассматривать ситуацию на «макроуровне», с которого сетевые взаимодействия и их «плотность» будут однозначно детерминированы в плане целеполагания – «создания социальной сплоченности» для возможности мобилизации [13. С. 43]. Рамки анализа сетевых взаимодействий фактически сужаются до формального анализа графов с его «центральностью» и эйлеровской «геометрией положений» [14. Р. 198–207].

Отсюда проистекает вывод о том, что возможны три вида сетей – «случайные», где у каждого центра равное количество связей с другими центрами; «безмасштабные» у которых нет «типичного узла», но существует «иерархия связующих центров», поддерживающих «единство» сети, и чистые «иерархии». Подавляющее большинство из них – «безмасштабные» сети, для которых важен лишь центр, тогда как «масштаб» связей не имеет никакого значения. При этом центров, произвольно «организующих» социальные сегменты, может быть много, тогда как сетевая «копия» всегда будет единой. Именно это позволяет рассматривать социум как семью, а государство как город [9. С. 71–73]. Напрашивается закономерный вывод о том, что перед нами своеобразный «эталон» сетевых взаимодействий для всех случаев жизни, являющийся, как ни прискорбно, и отправной точкой для любой социальной «иерхаризации». Приходится согласиться с тем, что «между централизованным и сегментарным нет противостояния», ибо существует «глобальное целое, объединенное и объединяющее», а значит, «современная жизнь не рассталась с сегментарностью» – «примитивной» или «гибкой», а только «ужесточила ее» [12. С. 115]. С точки зрения создания социальной сплоченности и мобилизации это действительно благо.

Все вышеизложенное прекрасно вписывается в делезовское понимание социальной организации. Каждой ее «артикуляции» соответствует «определенный тип сегментарности или множественности». Первый из них – «сеть», «податлива, молекулярна и упорядочена», второй – «структура», «тверда, молярна и организована». Заметим, что первая из них – «упорядочена», тогда как вторая – «организована». В результате справедливым выглядит вывод: несмотря на то, что «структура» традиционно ассоциируется с «центрированием, унификацией, тотализацией, интеграцией, иерархизацией и целеполаганием», сеть также не испытывает нехватки в систематических взаимодействиях. Благодаря этому «устанавливаются бинарные отношения» между ее узлами и «соответствующими сегментами». Что касается отношений между сегментами одной социальной артикуляции – сети и сегментами другой – структурой, то здесь возникают уже «дву-однозначные отношения, повинующиеся куда более сложным законам». Можно говорить лишь о «структуре», которая способна обозначать *общую совокупность этих связей и отношений* (курсив наш. – Авт.), что, однако, не «гарантирует того, что различие между двумя артикуляциями это всегда различие между молекулярным и молярным» [4. С. 69]. Речь фактически идет о диалектической связи социальности и ее субъектов, их взаимной дополняемости и воспроизводимости. Очевидно, что она не самодостаточна, поскольку непрерывно трансформируется посредством действий отдельных узлов, поддерживающих ее в заданных рамках «глобального целого, объединенного и объединяющего».

В этом контексте справедливым выглядят рассуждения о двух типах сетевой социальной аксиоматики – пронизывающих и противостоящих друг другу – «масса» и «стая». Первой из них присущи «массовость, делимость, равенство членов, концентрация, общественный характер, единственная иерархическая направленность, территориализация, генерирование знаков и символов». Второй – «малость, ограниченность, постоянное рассеивание, переменные дистанции между ее членами, качественные метаморфозы, неравенство как остаток или переход, невозможность фиксированной тотализации

или иерархизации, броуновское разнообразие в направлениях концентрации, детерриторизация и выброс частиц» [15. С. 181–182]. То есть опять в зависимости от направленности «глобального целого, объединенного и объединяющего» социум можно ассоциировать со «стаей» или «массой». Какой из этих типов более соответствует современному состоянию социума – остается вопросом, вероятно, это зависит от еще одного фактора – времени. Согласимся с тем, что глобальное предполагает «массу», а «культурное», «национальное», «религиозное», «экономическое», наоборот, толкает мир к состоянию сосуществования различных «стай», осваивающих глобальное пространство. Из всего вышеизложенного напрашивается важный вывод о том, что акцент «на организацию и отношение элементов, влекущий за собой меньшее внимание к самим элементам – узлам и единицам – *системам*» (курсив наш. – Авт.) при исследовании сети – ограничен вчерашним днем и фактически бесперспективен с точки зрения будущего [10. Р. 24]. Второй связанный с первым вывод не менее важен – выпадение обоих элементов из фокуса исследований приводит к серьезному искажению аксиоматики сети в пользу традиционной структурной «иерархии». Ее фактическое «назначение», исходя из «калькирования» прошлого, можно рассматривать как «закон», отождествляемый «в каждой точке с жизнью», но тем самым ее же и «уничтожающий» [16. С. 22].

Если для взгляда в глубину веков и на сегодняшний день в надежде выявить «конспирологические» источники революционных социальных потрясений – заговорщиков, объединенных в тайные сети, смещение акцента на «на организацию и отношение элементов» может быть ценным, то для того чтобы попытаться заглянуть за горизонт «событий», этого явно недостаточно. По нашему мнению, необходимо будет отказаться от «лапласовского» исторического детерминизма социальной системы как сетевого сообщества, устойчивого к «малым» возмущениям, и следовать прямо противоположному принципу – зависимости от управляющего воздействия каждого его узла – человека. То есть нужно прекратить однозначно рефлексировать наличную структурную «сетевую» данность, создавая понятия исходя из того, что существовало или уже существует. Речь должна идти не только о том, чтобы исследовать запутанное нагромождение искушений, скрупулезных правовых или моральных предписаний, дружеских увещаний и жестоких кар, аскетических техник и хронологий, при помощи которых «социальная обитель, «нацеленная на спасение от греха и мира», утверждает себя как «правильную жизнь», – сколько о том, «чтобы прежде всего *правильно*» (курсив наш. – Авт.) понять диалектику, которая таким образом устанавливается между терминами «правило» и «жизнь», фактически поменяв их местами [16. С. 9]. Возможно, что, отбрасывая «правила» и освобождая таким образом понятия «сети» от бесполезных структурных «наслоений», исследователям удастся заглянуть за горизонт и понять ту социальность, которой еще пока нет, но которая, даже в противовес здравому смыслу о недопустимости «хаоса», способна все же возникнуть.

Освобождение социальных практик от различного рода регулирующих начал – «глобального целого, объединенного и объединяющего» существенно расширяет человеку пространство для творческого конструирования своей идентичности. Конечно, это не предполагает автоматического возрастания способностей человека к свободному творчеству и сознательной ориентации

на него – речь пока идет только о его потенциальных возможностях. Тем более, что имеются серьезные сомнения относительно способности человека хоть как-то прояснить духовную ситуацию в современном обществе, в котором наметился переход от анализа объективных социальных явлений к исследованию новой интеллектуальной субъективности. Вспомним о том, что анализ проблемы идентичности субъекта в современной философии – в экзистенциальной метафизике Хайдеггера, в психоанализе Лакана, в постмодернистском синтезе постструктурализма и психоанализа Дерриды, Фуко и Делеза – выявлял не только разные подходы, но и различные перспективы. Попытка Хайдеггера пересмотреть метафизический подход к субъекту нашла поддержку у Дерриды, однако стремление первого найти новый путь к «истине бытия» явно не соответствовало мировоззренческим установкам второго на отрицание самой возможности существования первоначала происхождения феноменов и его ставке на реляционный скептицизм. Интенциональность хайдеггеровского субъекта была переосмыслена Дерридой как «желание» – бессознательная, стихийная, иррациональная сила. Несмотря на все многочисленные попытки ее рационально-осознанного оформления, она так и не избавилась от своей иррациональности – результаты «желания» никак не хотели совпадать с самим «желанием». Ни витгенштейновский логикоматематический подход, ни лакановский подход к топологизации структуры субъекта и эдипизации его «желания» вплоть до раблепного шизофренического желания человека быть любимым, в свою очередь не разделялся Делезом. Разрушение всех структуралистских мифологем – фрейдовской личности, витгенштейновского «церемониального животного», структуралистских представлений о коммуникативности, бинарного принципа различия – объяснялось им последовательно с позиций «желающих машин», затем с позиций «тела без органов» как их виртуального образа с потенциальными чертами, аффектами и возможностями, и наконец, с позиций подвижной, децентрированной сетки – ризомы. Именно она окончательно зафиксировала новый нелинейный способ организации целостности в противовес традиционному сегментированному и стержневому. При таком подходе исчезали все «непересекаемые границы», т.е. уже не может быть «сегментов», «систем» и самих «узлов» в их традиционной интерпретации, а значит, открывается возможность к неограниченной самоконфигурации, позволяющей многократно множить реальности. В результате в противовес традиционным бинарным различиям возникают новые неожиданные, несистемные, несегментные и неузловые различия. Можно говорить о том, что ризома – это образ нового мира постмодерна, в котором есть центры – узлы как дематериализованные «образы движения» и линии соединения, но нет «генерала», а значит, нет и не может быть традиционной упорядоченности «глобальным целым».

Специфика феномена власти Фуко как власти над сознанием человека научных дискурсов, имеющих «негативный императив», получила благодаря Делезу новое, дополненное измерение – «желание». Теперь власть как стихийная сила субъективного бессознательного, противостоящая целеполаганию сознания субъекта, могла в равной мере играть роль как подавляющей, репрессивной силы зла, так и высвобождающей, эмансипирующей силы добра. Если вернуться назад, к иерархическим структурам, то возникает много вопросов относительно их реальности. Но самым важным в контексте се-

тевой проблематики, на наш взгляд, является этический и эстетический поворот, обусловленный «заботой о себе» в понимании Фуко. Исследования в этом направлении не только вернули в поле зрения этики «желания» и телесные практики – здоровье, экологию, медитацию и сексуальность, но и поменяли приоритеты, ослабив внимание к проблемам социальной справедливости, демократии и прав человека. На самом деле новые дисциплинарные телесные «техники», меняющие этическую чувственность человека как «желающей машины» и его социальные отношения, выявили и очертили новое недоисследованное поле микрополитик, без учета которых любая традиционная «глобальная» политика «суверенитетов» и «прав человека» неизбежно заходит в тупик. Стало ясно, что без изменения установок на эмпатию, способствующую возникновению новых культурных форм у человечества, возможно, не будет шансов на глобальное «озеленение» жизни, на создание различных «экосистем», на «расширение» прав и на справедливое перераспределение богатства и власти. Этика и эстетика в этом контексте начинают восприниматься в качестве сложного передаточного механизма между моралью, чувственно-аффектными стилями поведения и общественными настроениями. Заметим, что упомянутый выше этический поворот способствовал тому, что власть предержащие стали уделять больше внимания визуальным инструментам – кино, театру, религиозным практикам, медиаритуалам и другим «неканоническим» средствам формирования этической воли [17. С. 12].

В результате всего вышеизложенного в постструктурном мире эмоциональных желаний сеть, возможно, возвращает себе первоначальное значение как связи между актантами, в роли которых могут выступать любые сущности, как человеческие, так и нечеловеческие. Научные открытия и информационные технологии лишь подстегнули процесс создания новых связей не только между людьми как узлами-агентами, но и между ними и «невитальными» «квазиагентами» и силами-актантами, ранее воспринимаемыми исключительно в терминах объектов человеческого «желания» [18. С. 266]. То есть возникли предпосылки для закономерной, хотя и интуитивной смены общественной аксиоматики в пользу сети, рассматриваемой как совокупность связей между ее узлами – «желающими машинами», подкрепленной «помощью» со стороны «мощных рычагов техники» [4. С. 397]. Согласимся с тем, что «на сей раз естественная реальность проявляется в виде выкидыша главного корня, но тем не менее корневое единство существует как прошлое или грядущее, как возможное» [12. С. 10]. Заметим – только возможное.

Очевидно, что множественность нельзя создать посредством «более высокого измерения». Мы уже знаем, что это заканчивается одним единством. Следовательно, стоит попытаться пойти по другому пути – «вычитания единственного из множества», т.е. о «просто-напросто умеренности на уровне измерений» или иначе – без акцента на определенные центры «глобального целого». В результате и возникает образное и интуитивное понятие «ризомы», которую можно полагать как онтологию сети [Там же. С. 11]. Заметим, что между этими понятиями нельзя ставить знак равенства. Если сеть – это временное структурное понятие, тогда ризома – вневременное постструктурное понятие. В сети всегда есть центры, пусть даже временные, определяющие ее ограниченную топологию, а в ризоме – узлы, которые имеют свой собственный эволюционный путь. Значимыми становятся линии их соединения.

Именно за счет автономии и онтологического равенства узлов меняются все правила их взаимодействия, все превращается в игру их возможностей. Если сеть можно полагать интуитивной ассоциативно-теоретической социальной конструкцией, то ризома, наоборот, представляется в виде интуитивной ассоциативно-практической жизненной конструкции. Эволюционное выделение узловых центров, неоднородность и соединение, множественность, означающие разрывы, декалькомания и картография – все это происходит в реальной жизни, а значит, может рассматриваться как «потенциал» сети. Мы же отлично видим, как на практике играют и «смешиваются» узлы. Актанты человека как «желающей машины» в сети уже трудно отличить от «бота», который является «желающей» программой, написанной другим «желающим» человеком и адаптированной к возможностям вычислительной техники, являющейся одновременно и интерфейсом, и коммуникатором, созданным еще одним «желающим» человеком, – и так до бесконечности. Невольно возникает ассоциация с детским стихотворением о доме, который построил Джек. А если спуститься еще на уровень ниже – на уровень нейронных связей и электрических цепей? Действительно, все сложнее ответить на вопрос – где и благодаря какому способу кодирования – цифровому, биологическому, политическому, экономическому или эстетическому – происходит соединение узлов, меняющее как их внешние статусные «знаки», так и их внутренний статус. В этом контексте и множественность воспринимается по-другому. У нее теперь нет ни субъекта, ни объекта, а есть только определение, величина и измерение. Человек как «желающая машина» один или вместе с вычислительной техникой и программным обеспечением и их цифровой начинкой. При этом и сама цифра перестала быть «универсальным концептом, соразмеряющим элементы согласно их месту в каком-либо измерении», и стала «множеством», изменяемым согласно «желанию» человека. Такую потенциально «виртуальную» сеть действительно можно разорвать лишь условно, поскольку в ней легко обнаруживаются все новые и новые связи между ее узлами благодаря их «множественности», «неоднородности» и «соединениям». Калькирование всего этого – возврат к традиционной структуре с выделением сегментов, субъектов и объектов, связанных бинарными отношениями. Речь, конечно, идет о картографировании, т.е. о конструировании социальной посредством «соединения полей» и разблокирования виртуального – потенциальных возможностей узла в плане раскрытия «отношений, аффектов, движений». Это не настоящее, но возможное будущее – «произведение искусства», «политическое действие» или «медитация» [12. С. 12–27]. Коронавирус, причем вне зависимости от его происхождения, это тоже ризома, соединяющая в причудливую сеть животных, человека, экологию, социальность, культуру, экономику, политику, этику, религию, т.е. весь мир на разных уровнях и посредством разных способов кодирования. Мы видим, как на наших глазах возник сетевой «хаос» и насколько беспомощными оказались при этом традиционная генеалогия и структура.

В этом контексте нельзя не обратиться в проблеме становления, которая благодаря делезовской ризоматической оптике начинает играть ключевую роль в осмыслении сетевой аксиоматики. Речь идет о временном эволюционно-революционном «становлении» поверхности узла – «желающей машины» как актанта при вневременном «становлении» ее глубины. Согласимся с

Делезом в том, что «нельзя подняться к поверхности, не изменив своей природы» [5. С. 217]. Это значит, что все внутренние изменения – «глубинное помешательство» человека с его «виртуальными» потенциальными чертами, возможностями, отношениями, аффектами, выходя на поверхность, получают возможность актуализироваться и активироваться, меняя тем самым весь рисунок сети. Ведь именно смысл «дает существование тому, что его выражает», обретая существование в том, «что его выражает» [Там же. С. 218]. А он, как мы помним, сосредоточен на «заботе о себе». Это значит, что «желающие машины» «будучи живой материей», а значит, «центрами неопределенности», специализировав одну из своих граней – эмоциональную и определенные точки как «неподвижные» «рецептивные органы», «делегируют свою активность органам реагирования», таким образом «освобождая их».

То есть активность «желающих машин» может быть сосредоточена вокруг эмоциональных «тенденций» и «усилий», которые «заменяют действие, ставшее на данный момент или в данном месте невозможным» [7. С. 116–118]. Допустимо говорить о том, что внутренний «виртуальный образ» человека как «желающей машины» с его эмоциями и потенциальными чертами, «ответствует» его «внешнему актуальному образу». Это означает, что «круг „актуальное-виртуальное“ образуется прямо на месте, а не посредством актуализации виртуального, зависящей от перемещения актуального» [Там же. С. 380]. Поскольку «внутреннее» человека как объекта программирует его же перепрограммирование через внешнее, т.е. «не только порождение вторично по отношению к циклу, но и передача вторична по отношению к информации или коммуникации», можно говорить о том, что человек действительно оказался на пороге настоящей кибернетической революции. Согласимся с тем, что, вероятно, «не существует передачи потоков в собственном смысле, а существует коммуникация кода или аксиоматики и комбинаторики, оформляющей потоки», – эмоциональная и рациональная, определяющая в нем коммуникацию бессознательных. Это можно распространить и на социальное поле – «его кодирование или его аксиоматика исходно определяют в нем коммуникацию» [4. С. 435]. Рациональное будет определять структуру, в то время как эмоциональное – кибернетику. Невольно напрашивается вывод о том, что если в процессе исследования сети попытаться пойти по пути «вычитания единственного из множества», т.е. «погружения» в целое – в саму систему и ее узлы в сочетании с «умеренностью на уровне измерений», не позволяющей акцентировать исследования вокруг единственного центра «глобального целого», станет возможным раскрытие ее потенциала. Подобные исследования предполагают закономерный переход сетевой аксиоматики от интуитивной ассоциативно-теоретической социальной конструкции к интуитивной ассоциативно-практической конструкции – ризоме, которая оказывается более жизненной.

В заключение хочется добавить, что все «внутренние» изменения человека – его «глубинное помешательство», его «виртуальные» потенциалы, его эмоции, его «произведения искусства», его «медитация», его «политическое действие», влияющая на топологию сети, – это никак не прошлое и даже не настоящее, но возможное будущее. И именно в этом направлении необходимо двигаться при исследовании сетевой аксиоматики современной социальности. Тем более, что отдельные аспекты благодаря информационно-

технологической революции и развитию возможности вычислительной техники в плане ее производительности, совершенствованию интерфейсов и коммуникаций позволяют не только увидеть это, но и детерминировать.

### Литература

1. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. М. : Синдбад, 2018.
2. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М. : Академический проект, 2008.
3. Манн Т. Аристократия духа: сборник очерков, статей и эссе. М. : Культурная революция, 2009.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория, 2007.
5. Делез Ж. Логика смысла. М. : Академический проект, 2011.
6. Prigogine I. Festschrift for Immanuel Wallerstein // Journal of World-System Research. Vol. 6, № 1 Spring 2000. Special Issue: Part II, P. 892–898.
7. Делез Ж. Кино. М. : Ад Маргинем, 2004.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017.
9. Фергюсон Н. Площадь и башня. Сети и власть от масонов до Facebook. М. : АСТ : CORPUS, 2020.
10. Dijk Jan A.G.M. The Network Society. Social Aspects of New Media. Second edition. SAGE Publications Ltd 1 Oliver's Yard 55 City Road London EC1Y 1SP, 2006.
11. Habermas J. The Theory of communicative action vol.1 Reason and the rationalization of society. Boston : Beacon Press, 1984.
12. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория, 2010.
13. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31–50.
14. Hopkins B., Wilson R. The Truth About Königsberg // The College Mathematics Journal. 2004. Vol. 35.
15. Канетти Э. Масса и власть. М. : Астрель, 2012.
16. Агамбен Дж. Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни. СПб. : Изд-во Ин-та Гайдара. Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2020.
17. Баннет Дж. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей. Пермь : Гиле Пресс, 2018.
18. Латур Б. Политика природы. Как привить демократию. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018.

**Oleg M. Mikhaylenok**, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

**Aleksey V. Nazarenko**, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: alek\_nazarenko@mail.ru

*Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 274–284.*

DOI: 10.17223/1998863X/56/24

### NETWORK COMMUNITIES: PAST AND FUTURE

**Keywords:** social system; singularity; network structure; network; rhizome.

Today, we are witnessing a spontaneous bifurcation in comprehending the essence of the social system. Bringing man back into the hub of the universe opened up an opportunity for them to build their own reality characterized by otherness and competing with the predetermined conditions developed as influenced by the specific features of the social machine functioning. The four-hundred-year period of social myths and revolutionary upheavals results in a natural implosion – a collapse of the social and the cultural “inward”, to a person with their spiritual world. We see the development of objective conditions for an intuitive change in social axiomatics in favor of a network of singular “desiring-machines” as a dissipative system. The article attempts to determine the potentially possible topological outcomes of network “singularity”—its vertical “tower-shaped” or horizontal “areal” temporal orientation in their historical interconnections. It distinguishes between the concepts of network

and network structure. The latter is always singular and hierarchical since it is determined by a certain “organizing” origin. For many years, hierarchical relationship models have truly served humanity, helping the authorities at all levels develop fairly stable social formations with preset parameters. Today, the structural dominance of hierarchies is seriously limiting the stretch of human imagination. The liberation of social practices from different kinds of regulatory principles substantially expands a person’s space for creative construction of their own identity and the identity of others. We see the developing prerequisites for a regular, although intuitive, change in public axiomatics in favor of a network, considered as a set of multiple connections between its nodes – “desiring-machines”. Multiplicity is well described by Deleuze’s concept “rhizome”, which should be considered as network ontology. Deleuze’s rhizomatic optics gives us a chance to take a new look at the role of man as a “desiring-machine”, since their internal, timeless development starts playing a key role in understanding the true existential essence and potential of the network axiomatics of sociality. The future of the network is human thoughts, emotions, and actions.

### References

1. Harari, Yu.N. (2018) *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva* [Sapiens: A Brief History of Humankind]. Translated from English. Moscow: Sindbad.
2. Hegel, G.V.F. (2008) *Fenomenologiya dukha* [The phenomenology of the spirit]. Moscow: Akademicheskii proekt.
3. Mann, T. (2009) *Aristokratiya dukha. Sbornik ocherkov, statey i esse* [Aristocracy of the Spirit. Collection of essays and articles]. Translated from German. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
4. Deleuze, J. & Guatari, F. (2007) *Kapitalizm i shizofreniya* [Capitalism and schizophrenia]. Translated by D. Kralechkin. Ekaterinburg: U- Faktoriya.
5. Deleuze, J. (2011) *Logika smysla* [The Logic of Meaning]. Translated from English. Moscow: Akademicheskii proekt.
6. Prigogine, I. (2000) Festschrift for Immanuel Wallerstein. *Journal of World-System Research*. 6(1). Special Issue. pp. 892–898.
7. Deleuze, J. (2004) *Kino* [Cinema]. Moscow: Ad Marginem.
8. Castells, M. (2017) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information age: economy, society and culture]. Translated from Spanish. Moscow: HSE.
9. Ferguson, N. (2020) *Ploshchad' i bashnya. Seti i vlast' ot masonov do Facebook* [The Square and the Tower: Networks and Power, from the Freemasons to Facebook]. Translated from English. Moscow: AST: CORPUS.
10. Dijk, J.A.G.M. (2006) *The Network Society. Social Aspects of New Media*. 2nd ed. SAGE Publications Ltd.
11. Habermas, J. (1984) *The Theory of Communicative Action*. Vol.1. Boston: Beacon Press, 1984.
12. Deleuze, J. & Guatari, F. (2010) *Tysyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus. Capitalism and schizophrenia]. Translated from English. Ekaterinburg: U-Faktoriya.
13. Granovetter, M. (2009) Sila slabykh svyazey [The power of weak ties]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya – Economic Sociology*. 10(4). pp. 31–50.
14. Hopkins, B. & Wilson, R. (2004) The Truth about Königsberg. *The College Mathematics Journal*. 35. DOI: 10.1080/07468342.2004.11922073
15. Canetti, E. (2012) *Massa i vlast'* [Mass and Power]. Translated by L.G. Ionin. Moscow: Astrel'.
16. Agamben, J. (2020) *Vysochayshaya bednost'. Monasheskie pravila i forma zhizni* [The Highest Poverty: Monastic Rules and Form-of-Life]. Translated from Italian and Latin by S. Ermakova. St. Petersburg: The Gaidar Institute. Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University.
17. Bannett, J. (2018) *Pul'sirnyushchaya materiya: Politicheskaya ekologiya veshchey* [Vibrant Matter. A Political Ecology of Things]. Translated from English by A. Sarkisiyants. Perm: Gile Press.
18. Latour, B. (2018) *Politika prirody. Kak privit' demokratiyu* [Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy]. Translated from French by E. Blinov. Moscow: Ad Marginem Press.